

Татьяна Хижая
(Владимир)

**Контакты и конфликты:
К вопросу о взаимоотношениях
русских иудействующих и евреев
в XIX – начале XX в.**

Начиная с XIX столетия реальные и предполагаемые контакты между представителями религиозного движения субботников и евреями были предметом острого, неугасающего интереса со стороны российских чиновников, миссионеров, этнографов, писателей и публицистов. И в настоящее время эта тема продолжает волновать исследователей субботничества, порождая разнообразные концепции и предположения.

В данной статье я попытаюсь, не претендуя на охват всей проблематики взаимоотношений между иудеями и нееврейскими последователями «Моисеева закона», представить новые материалы, обнаруженные мной в российских архивах, а также уделить некоторое внимание амбивалентной природе этих отношений.

Контакты русских иудействующих с евреями хорошо прослеживаются уже в первых десятилетиях XIX в. В этот период евреи начинают выступать в роли учителей сектантов, передавая им свои религиозные и культурные традиции. Они посещают дома субботников, иногда живут среди них, вступают с ними в письменное общение. Они молятся вместе с «жидовствующими», наставляют их, совершают обрезания, выполняют функции шойхетов в сектантских коллективах. Первоначально, по всей вероятности, использовался устный способ передачи «правил» еврейской религии, однако довольно рано (не позднее 1820-х гг.) субботники делают попытки получить их в письменном виде – доставая переводы фрагментов Торы, иудейских молитв, записывая необходимые сведения о вере «природных» евреев, их праздниках и обрядах и даже копируя древнееврейский алфавит. Все это прекрасно демонстрируют введенные в научный

оборот архивные источники: дело елецких «жидовствующих» [РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 5492; Ф. 796. Оп. 95. Д. 550 (О переходе в жидовство некоторых жителей г. Ельца, 1814)], история воронежского крестьянина Ефима Лукьянченкова, получавшего религиозные инструкции от уроженца Пинска Лейбы Клодни [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 26 (По отношению министра духовных дел и народного просвещения о еврее Лейбе Клодне и однодворце Ефиме Лукьянченкове, намеревающемся принять еврейский закон, 1822)], процесс над ставропольским купцом Иваном Гуляевым [РГИА. Ф. 1281. Оп. 1. Кн. 26. Д. 67 (О купце Гуляеве, сужденном за отступление от православия в жидовскую секту, 1830); Ф. 1284. Оп. 195. Д. 77 (По просьбе ставропольского градского главы купца Тарасова об удалении из города Ставрополя зятя его купца Гуляева, впадшего в жидовскую ересь и совращении в оную семейства его, 1826 г.) и др.

В архивных материалах мы находим известие, что в 1821 г. кавказский последователь «Моисеева закона» специально отправился в малороссийские губернии, расположенные в черте оседлости, «чтобы пригласить в своё селение раббина, резников и получить переводы с еврейских правил». Он был одет в «еврейское платье» и читал молитвы на иврите, записанные в русской транскрипции [РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 8876. Л. 10 (О секте Моисеева закона, возникшей в Воронежской губернии, 1818)].

Импульс притяжению так называемых русских израильтян к миру еврейства давало ощущение несовершенства их собственной «доморощенной» веры. Это чувство усиливали в сектантах наставники-ашкеназы, ориентирующие своих слушателей на иудаизм [Хижая 2008].

С начала XIX в. «ветхозаветники» начинают соотносить себя с современниками-иудеями, а не только с Израилем Писания (последнее является общим местом при характеристике идентичности субботников). Еще в 1806 г., когда начался первый судебный процесс по делу воронежских иудействующих, крестьяне-сектанты заявили, что желают присягать «как природные евреи» [РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 8876. Л. 10 (О секте Моисеева закона, возникшей в Воронежской губернии, 1818)].

Новые документы, обнаруженные мной относительно недавно, свидетельствуют о коммуникации между ашкеназами и иудаизантами в первых десятилетиях XIX в. на территории черты оседлости,

что является малоисследованным сюжетом. В найденных материалах речь идет о субботниках Екатеринослава и Бессарабии.

В 1819 г. полиция Екатеринослава проводила расследование о «людях духоборческой секты». Выяснилось, что сектанты «обоего пола» посещали городскую синагогу в «праздник еврейский, именуемый Судный день» (т.е. в Йом-Киппур). Они сами в этом признались, уверяя, что ходили туда «для одного любопытства, а не для какого-либо в вере их соучастия». При этом допрошенные называли себя субботниками Моисеева закона. Православные жители города между тем утверждали, что «жидовствующие» ходят в синагогу регулярно – почти каждую субботу, имеют «особенное влияние на еврейскую веру» и даже «особое сходство с евреями». Один из персонажей дела, Дементий Котов, признался, что «жена его... соблюдает некоторые еврейские обряды, как то: празднует день субботний, измазывает в оный день варистую свою печь».

Вероятно, жена Дементия, субботница Марфа Котова, тоже вступила в общение с екатеринославскими иудеями, ведь известно, что талмудические законы о субботе предусматривают замазывание печи глиной, чтобы случайно не помешать в ней угли (Шаббат 186). В связи с этим полиция сделала местному раввину предупреждение, «дабы они, евреи, не только греко-российского, но даже и других исповеданий людей в свою веру не привлекали». Впоследствии екатеринославский губернатор докладывал в министерство полиции, что иудействующие «обоего пола ходят в еврейскую школу¹ и получают от раввинов в их вере наставления» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 35. Л. 1–1об. (О духоборцах или субботниках, открывшихся в Екатеринославской губернии и о переселении их на Кавказ, 1819)].

Более подробную информацию о контактах евреев и последователей «Моисеева закона» содержит дело о сектантах г. Бендеры [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 2 (По донесению правящего должность Бессарабского Гражданского Губернатора об открывшихся в городе Бендерах духоборцах и субботниках 16 января 1820 г.)]. История бессарабских субботников приобрела в свое время столь громкую славу, что сведения о ней фигурировали в ведомости о происшествиях в разных областях страны, регулярно представляемой императору. Согласно архивным материалам, в 1820–1823 гг. в г. Бендеры

¹ Т.е. синагогу.

было обнаружено около сорока иудействующих, немалая часть которых совершила обрезание, что вызвало тревогу местных, а впоследствии и центральных властей. Приверженцы «Моисеева закона» в 1810-х гг. переселились в Бендеры из внутренних областей России – Москвы, селений Московской и Рязанской губерний. Хорошо известно, что в данных регионах субботники были официально обнаружены в первых десятилетиях XIX в. Допрошенные в полиции Бендер, персонажи «бессарабского дела» признались, что «они во время жительства своего в Велико-России хотя придерживались субботнической секты, но оную хранили в тайне, дабы не подпасть за сие законной ответственности». При этом сектанты «в церковь не хаживали, угодников Божиих и святых икон не почитали и им не поклонялись, исключая самых нужнейших треб как-то: крещения младенцев, погребения усопших и бракосочетания, но требы сии выполняли еще во время бытности их в России, тогда когда не только они, но и отцы их придерживались настоящей секты, выполняли весь относящийся к оной по еврейскому закону обряд втайне» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 2. Л. 9, 21–21об.].

Мы можем предположить, что крестьяне из центральных губерний поселились на недавно присоединенной (в 1806 г.) к России территории в надежде получить определенные льготы, избежать религиозных притеснений у себя на родине и получить личную свободу. Отечественная война 1812 г. помешала принять законодательную базу для управления Бессарабией. Область управлялась местным временным правительством почти без вмешательства русской администрации. В 1816 г. жителям были даны трехлетняя льгота по выплате всех повинностей, а также освобождение от рекрутской повинности на неопределенное время. И что очень важно: в Бессарабии практически отсутствовало крепостное право. Поэтому большую часть пришельцев из Великороссии составляли те, кто скрывался от рекрутства, власти помещиков, а также преследований за веру [Суляк 2012, 10, 16].

Незадолго до «открытия» последователей «ветхозаветной веры» полицией г. Бендеры они вступили в общение с местными иудеями. В 1810–1820 гг. сектанты, «оставя... выполнять христианский обряд, начали свободно уже держаться субботнической секты и исполняя все обряды Ветхого Завета, хаживали для богомолья в еврейскую школу

в таком предположении, дабы и самым сделаться евреями, подобно как и прочие суботники поступают в еврейский закон» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 2. Л. 9об.–10].

Они совершали обрезания, по-еврейски одевались, а некоторые стали менять свои имена на идишские. Так, подследственные Андрей Москалев и Иван Волков признались, что после обрезания присвоили каждый себе имя Аврум [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 2. Л. 16об.]. О старинной традиции нарекать геров именем праотца Авраама, который сам был пришельцем в земле Ханаан, суботники могли узнать непосредственно от евреев. На допросах в полиции они говорили о своем желании «соделаться настоящими евреями» и о «поступлении в настоящий еврейский закон... лишь бы только позволил к тому какой-либо случай» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 2. Л. 17, 21об.].

Дальше всех продвинулся в этом стремлении бывший крепостной крестьянин Рязанской губернии, фигурирующий в деле под двумя именами и фамилиями: «Аким Левитин, он же и Карп Машков» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 2. Л. 5об.].

Новое прозвание-конструкт, отражающее библейскую веру его носителя, свидетельствовало о смене идентичности, как и у двух «Аврумов». Но в отличие от своих единоверцев Карп успел выучить ивритский алфавит и пытался читать на древнееврейском языке. Правда, в полиции отметили недостаточность такого знания «еврейской грамоты»: «Хотя... и умеет читать по-еврейски книги, но о содержании слогов в оных ничего не понимает, а только разумеет одне Давидовы псалмы, применяясь к русской Псалтири» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 2. Л. 10об.].

Однако сам факт знакомства русского простолюдина с древнееврейским языком в первой четверти XIX в. является исключительным феноменом. Он указывает на достаточно тесные связи последователя «ветхозаветной веры» с представителями еврейской общины Бендер. Известно, что Бессарабия входила в черту оседлости, число евреев в ней стремительно росло после присоединения к Российской империи.

В 1823 г. бессарабские иудействующие обратились с просьбой к министру внутренних дел о переселении их в Кавказскую губернию к своим единоверцам [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 2. Л. 28–28об.]. К сожалению, информация о реакции властей на это прошение в данном деле отсутствует.

Но продолжение «бессарабской истории» было найдено мной в другом архивном источнике, который датируется 1825 г. [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 89 (По представлению новороссийского генерал-губернатора о евреях в городе Бендерах живущих, и о переселении субботников или жидов из мест, где евреям жить дозволено, Кавказской области в город Александров, 1825)]. Из его материалов видно, что просьба субботников не была удовлетворена. Между тем МВД разработало к этому времени целый комплекс мер, направленных на борьбу с сектой «жидовствующих» [Хижа 2013, 132–134]. Положение Комитета министров от 3 февраля 1825 г. требовало, в частности, выселения евреев из очагов проживания иудействующих. Следовательно, евреи должны были быть изгнаны из Бендер. Однако новороссийский генерал-губернатор просил министра внутренних дел, чтобы из Бендер удалены были не евреи, так как это грозило городу разорением, а представители «вредной иудейской секты». В результате с высочайшего соизволения евреи были оставлены в Бессарабии, а субботники отправлены на Кавказ. В деле присутствует список сектантов; имена многих из них узнаваемы по прежнему расследованию. Но поразительная вещь: все иудействующие г. Бендеры и Кишинева (судя по именам и фамилиям, в Кишинев переселились 3 жителя Бендер) наряду с официальными имеют идишские имена – «принятые ими в жидовстве», по выражению генерал-губернатора. Список, состоящий из 45 имен, стоит привести здесь полностью². Субботники сгруппированы в нем по семьям.

1. Дмитрий Браксин (Ицко Абрамович)
жена его Прасковья (Ревка)
сын Янкель
дочь Лейка
2. Иван Сашков (Ицко Абрамович)
жена его Евдокия (Ревка)
сыновья { Терентий (Рувин)
Семен (Шлиома)
Мордко
Янкель

² Орфография источника сохранена.

3. Леон Соколов (Абрам Абрамович)
жена его Аграфена (Сура)
сыновья { Григорий (Рувин)
 { Иван (Шмиль)
 4. Павел Резанцов (Иосье Абрамович)
жена его Елена (Мария)
 5. Петр Соколов (Арон Абрамович)
мать его Софрония (Сура)
 6. Василий Москалев (Иосье Абрамович)
жена его Лукерия (Мариан)
сын Биюмен
дочери Анна (Хайка)
и Сура
 7. Иван Волков (Шмиль Абрамович)
Дочь его Акулина (Двора)
и Хайка
 8. Кирил Алексеев (Зхарий Абрамович)
жена его Евдокия (Ихава)
сын Иван (Янкель)
 9. Аким Левитин (Мошко Абрамович)
 10. Тимофей Резанцов (Янкель Абрамович)
жена его Анна (Рухля)
 11. Гаврила Волков (Мордко Абрамович)
 12. Тихон Краснощеков (Михель)
жена его Мария (Мариан)
 13. Иван Алексеев (Шлиома Абрамович)
жена его Анна (Ревка)
сын Биюмен
мать его Акулина (Сура)
 14. Вдова Авдотья Москалева (Сура)
дочь Мария
- явившиеся добровольно Кишиневские жители
15. Николай Волков (Даниель Абрамович)
 16. Давид Моисеев Волков (Дувид Абрамович)
жена его Марья Иванова (Лея)
- [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 89. Л. 9].

Из документа видно, что в течение нескольких лет произошла поголовная смена имен бендерских субботников, причем у самых младших из них – детей – в принципе отсутствуют русские имена. Такая динамика, связанная со стремительным конструированием новой идентичности, очевидным образом стала следствием контактов с бессарабскими ашкеназами. (В Бендерах в 1825 г., согласно донесению новороссийского генерал-губернатора, проживало более 200 еврейских семей.) Мы находим у иудействующих свои варианты библейских имен, причем на основе ашкеназской фонетики. Упомянутый выше Карп Машков, ранее называвший себя Акимом Левитиным, меняет свое имя второй раз, превращаясь в Мошко Абрамовича. Примечательно, что практически все отцы семейств имеют отчество Абрамович, происходящее от имени, которое обычно давалось обращенным в иудаизм.

В деле приведен также список из 13 субботников, «открытых» в г. Аккерман и селении Копанка [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 89. Л. 11]. Но в отличие от иудействующих Бендер и Кишинева их имена вполне обычны для русских крестьян. Значит, тесные связи с местными иудеями у них отсутствовали.

Итак, источники уже в первой четверти XIX в. фиксируют стремление приверженцев «Моисеева учения» копировать еврейские практики, причем не только религиозные. В случае с бессарабскими субботниками мы, как представляется, имеем дело с зарождением течения геров, появление которого исследователи обычно относят ко второй половине XIX в. В черте оседлости, где «жидовствующие» имели гораздо более возможностей общаться с иудеями, чем за ее пределами, где они могли посещать синагоги, процесс усвоения ими ашкеназской традиции начался довольно рано, во всяком случае раньше, чем принято считать.

Во второй половине XIX – начале XX в. коммуникация между крестьянами-сектантами и евреями приобрела регулярный и гораздо более интенсивный характер. Этому способствовало издание в пореформенный период законов, разрешавших повсеместное жительство в империи целому ряду категорий еврейского населения, что сделало черту оседлости гораздо более проницаемой [Будницкий 2006, 327–329], а также массовое принудительное переселение субботников из традиционных очагов движения – внутренних губерний

России – в те области, где возможность контактов с иудеями возрас- тала (Закавказье, Кавказ, Сибирь).

Активное воздействие раввинистической традиции ускорило рас- слоение религиозного движения на геров («талмудистов», «шапоч- ников») и собственно субботников.

Евреи выполняли разнообразные функции в общинах иудейст- вующих. Они осуществляли роль постоянных религиозных консуль- тантов, учителей иврита, воспитателей молодежи, преподавателей в хедерах, резников, мозлей, канторов и даже раввинов. Особую роль играла практика совместных молитв евреев и субботников, что при- водило к непосредственному заимствованию литургической ашке- назской традиции.

Серьезное значение в процессе приобщения к иудаизму имела еврейская религиозная литература, преимущественно в русских пе- реводах. Это, в первую очередь, молитвенники (переводные сидуры, махзоры), Библии виленского издания, отдельные издания Торы, Псалмов (все – с параллельными текстами на русском и иврите) ка- лендари. Первоначально они соседствуют с Библией на церковно- славянском языке. Со временем круг используемых книг расширяется [Хижая 2010]. В конце XIX в. мы находим в сектантских коллекти- вах еврейскую катехизическую литературу [Никольский 1896, 107, 128]. У иудействующих обоих течений присутствовали переведен- ные на русский язык сочинения, относящиеся к талмудической тра- диции: трактат «Пиркей Авот», сборники агады, «Шульхан Арух», поучения известных раввинов [Кальнев 1911, 153; Крестовский 1900, 211]. Некоторые книги на иврите имели символическое значение: они хранились в домах геров, но их никто не читал. У сектантов вто- рой половины XIX столетия появляется и некоторый интерес к каб- бале, о которой они знали, скорее всего, понаслышке [Майнов 1872, 274]. У субботников-караимитов в начале XX в. можно было обна- ружить караимскую катехизическую литературу и караимские мо- литвенники [Кальнев 1911, 153].

По всей видимости, «жидовствующие» были знакомы также с со- чинением «Хизук Эмуна». Это караимское антихристианское поле- мическое произведение, написанное в XVI в. теологом и писателем Исааком Трокским, весьма популярное в ортодоксально-иудейской среде. Оно упоминается еще в деле субботника Ефима Лукьянченко-

ва (1822 г.): экземпляр книги был обнаружен в бумагах еврея Лейбы Шломовича Клодни, общавшегося с воронежским иудействующим. Пинский еврей делал выписки из «Хизук Эмуна», причем не только на иврите, но на русском, польском и немецком языках, т.е. переводил соответствующие отрывки из трактата. По собственному признанию, он делал это «для доказательства своей веры и на случай споров» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 26. Л. 151–152об., 232–233об., 236, 241]. Можно предположить, что русский перевод мог использоваться и в процессе общения с субботником.

Мне было чрезвычайно интересно обнаружить три документа, в которых речь идет о влиянии этого апологетического труда на «секту жидовствующих» в более позднее время. Первый из них – записка известного статистика и этнографа А.И. Артемьева «О еврейской книге Хизук Амина», датированная 1845 г. В ней говорится о распространении «с давних времен» среди субботников русских переводов фрагмента караимского трактата, на что в свое время обратило внимание правительство. Ученый обосновывает необходимость перевода всего произведения на русский язык: чтобы «правительству... легко было узнавать переводы из “Хизук Амины”, которых должно довольно много находиться у раскольников, живущих в г. Москве, около сей столицы, и по другим к ней ведущим из Малороссии и Белоруссии местам». Он сообщает, что Давид Зандберг перевел главу сочинения, которая и представлена в записке [РНБ ОР. Ф. 37. Д. 39. Л. 169–196 (О еврейской книге Хизук Амины)]. Интересно, что Давид Зандберг, чиновник МВД, крещеный еврей, фигурирует еще в деле Лукьянченкова-Клодни: в частности, именно он переводил выписки из «Хизук Эмуна», содержащиеся в документах подследственного-еврея.

Второй документ – отчет чиновника особых поручений при МВД, графа Ю.И. Стенбока о саратовских сектантах, относящийся к эпохе Николая I. Автор утверждает, что для совращения в свою веру «жидовствующие» употребляют книгу «Хизук-амин», «без сомнения самую вредную из всех антихристианских сочинений» [РНБ ОР. Ф. 37. Д. 39. Л. 249 (Отчет статского советника графа Стенбока по возложенному на него в Саратовской губернии секретному поручению)].

Наконец, третий источник – записка А.И. Артемьева, участника Саратовской статистической экспедиции, о «современном положе-

нии раскола в Саратовской губернии» (1855 г.). Она повторяет информацию, содержащуюся в предыдущих двух трудах, подчеркивая, что евреи способствуют распространению среди субботников переводов антихристианской книги [РНБ ОР. Ф. 37. Д. 273. Л. 36–68 (Краткая записка о современном положении раскола в Саратовской губернии)].

Даже если эти сведения и преувеличивают степень популярности труда Исаака Троцкого среди русских иудаизантов, нельзя не заметить, что он содержит те сюжеты и узловые моменты антихристианской полемики, которые постоянно, в тех или иных сочетаниях, присутствуют в диспутах и беседах субботников и миссионеров, происходивших в последней трети XIX – начале XX в. Это энергичное отрицание божественной природы Христа, критика евангельских свидетельств о Его родословии и деяниях, указание на лживость Нового Завета, неверно цитирующего Писание, рассуждения о несоответствии эпохи Иисуса мессианским временам и т.д. Все это позволяет предположить, что переводы книги и/или пересказы ее содержания циркулировали в среде «русских израильтян».

Иудейская литература, впрочем, играла меньшую роль, чем непосредственное обучение, которое осуществляли евреи в субботнических коллективах. Сектанты, за редчайшим исключением, не могли читать в оригинале галахические предписания, а переводных книг было явно недостаточно.

В качестве инструмента влияния выступал древнееврейский язык: обладавший сакральной ценностью и являвшийся признаком желанного «еврейства» в глазах последователей «Моисеева закона», он постепенно становился в общинах геров литургическим языком. Стремление к изучению библейского иврита, использование его в богослужебных практиках, в разговорах на религиозные темы [Жабин 1900, 58] указывали на процесс аккультурации, который переживали общины русских субботников. Об этом же свидетельствовали: распространение среди геров библейских имен в ашкеназском произношении [Ювачёв 1904, 172–173; Украинский 1912, 14–15; Бондарь 1916, 94], использование идиша, попытки евреев научить этому языку детей иудействующих [Козьмин 1913, 9]. По наблюдениям миссионера М.А. Кальнева, в начале XX в. геры говорили в своих семьях «на безобразном еврейском жаргоне» [Кальнев 1911, 157].

Поведение евреев в религиозной, семейно-бытовой и экономической сферах служило ориентиром и примером для подражания [Дингельштедт 1885, 254–255]. Источники фиксируют стремление приверженцев «Моисеева учения» копировать поведенческие модели иудеев, стать «такими, как они». Отражением близости геров и ашкеназов стали случаи межэтнических браков, в отдельных общинах весьма распространенные [Боголюбов 1898, 800; Геры и субботники 1998, 196–197; Козьмин 1913, 8; Крестовский 1900, 210]. Кальнев усматривал в отношениях между евреями и «жидовствующими» начавшуюся ассимиляцию последних [Кальнев 1911, 157].

Связь между двумя сообществами – еврейским и сектантским – ярко проявилась в период начавшегося в последних десятилетиях XIX в. сионистского движения. Иудействующие восприняли палестинофильство евреев в религиозном ключе,отреагировав всплеском мессианских ожиданий, вылившимся в эсхатологическое и переселенческое движение субботников в Палестину [Хижа́я 2012].

Все перечисленные выше процессы свидетельствовали о разнообразных способах воздействия на русские крестьянские сообщества иной религиозно-этнической культуры. Реципиентами новых культурных моделей были, прежде всего, геры, но и собственно субботнические общины подвергались еврейскому влиянию, несмотря на сложные отношения с «природными евреями» и даже демонстрацию принципиального отказа от всего, что связано с «Талмудом».

В глазах субботников главный секрет привлекательности евреев как религиозных руководителей заключался в их принадлежности к многовековой иудейской традиции, генетически восходящей к Ветхому Завету. Использование сакрального языка Библии, детальная разработка ритуалов в иудаизме – все это оказывалось весьма значимым для сектантов, пытавшихся самостоятельно конструировать религиозные практики на основе Писания. Существовали и другие, дополнительные мотивы глубоких симпатий к евреям. Это и восприятие их в качестве братьев по вере, и почтительное отношение к ним «как к прямым потомкам библейских патриархов», и взгляд на еврейский народ, как «самый образованный и передовой», одаренный экономическими талантами и т.п. [Максимов 1867, 350; Ан-ский 1912, 280].

Нередко это сочеталось с ощущением некоей ущербности: «Евреи мы настоящие <...> но вполне иудеями называться не можем» [Максимов 1867, 338–339]. Чувство неполноценности у иудейст-

вующих обычно возникало в связи с тем, что они не владели библейским ивритом, а их религиозные практики не вполне совпадали с иудейскими: «Мы еще не дошли до евреев» [Дингельштедт 1885, 263–264; Бондарь 1916, 95]. Во время эсхатологического движения среди сектантов Астраханской губернии субботник из г. Царёва скромно отводил своим единоверцам в царстве Мессии вторую роль после «древних и нынешних раввинов и учителей» [По закоулкам г. Царёва 1889, 135–136]. В 1917 г. глава общины иудействующих в станице Родниковская, указывая на детей, произносил со слезами: «В темноте я жил и во мраке помру, но они, маленькие эти, будут настоящими евреями» [Геры и субботники 1998, 198].

Нередко последователи «Моисеева закона» прямо отождествляли себя с евреями. Субботник-палестинофил из Астраханской губернии Дмитрий Грачев в написанном им «Воззвании» к собратьям по вере называет места обитания древних израильтян «селениями *наших* предков». Он обнадеживает своих единомышленников: «есть уже правители в среде *нашего* народа – барон Гершон» [Тифлов 1892, 654]. Иудействующие из села Верхотишанка Воронежской губернии в начале XX в. заявляли: «Мы евреи, а не русские» [Бондарь 1916, 94]. Классический пример такой самоидентификации демонстрирует диалог между миссионером и сектантом. На вопрос священника: «Из какого семени будет Мессия?», следует ответ: «Из *нашего*, еврейского». А реплика миссионера: «Вы русский, но не еврей», заставляет субботника выразить глубокое убеждение в отсутствии (столь важных для спрашивающего) различий: «Что туземец, что пришелец – всё одно» [Отчет 1889, 177]. Эти слова представляют собой парафраз стиха Пятикнижия (Исх 12:48). Субботница-станичница из Ставропольской губернии в беседе со священником упрекала его: «Наш родниковский <...> был в Иерусалиме и рассказывает, что там есть, и сколько есть *нашего*, еврейского, а все *наше* то скрываете» [Никольский 1896, 125]. В 1911 г. геры с. Зима Иркутской губернии выбрали своим наставником «коренного еврея». Когда местная администрация отказала им в утверждении этой кандидатуры, они подали жалобу в Сенат, выдвинув следующий аргумент: община ничем не отличается от чисто еврейской [Рабинович 1998, 238].

Ярко выраженное тяготение субботников к представителям ортодоксального иудаизма не исключало конфликтов между двумя ми-

рами. Прежде всего, антагонизм по отношению к ашкеназам демонстрировали те «жидовствующие», которые выражали принципиальное неприятие раввинистической традиции. Классический пример такой неприязни приводит известный этнограф В. Майнов, посетивший общину иудействующих на юге России. Члены этого коллектива резко отрицательно относились к евреям, почитавшим «Талмуд», отказывая им в праве принадлежать к «Израилю» как к некоей воображаемой сакральной общности, а также в праве считаться герами. (Понятие «гер» у информантов В. Майнова служило критерием правильной веры и нравственности.) Именно они, субботники, а не евреи и «талмудисты» воспринимались как подлинные наследники ветхозаветных евреев. По словам ученого, «жид», «жидовство» для субботников – бранные слова; «жид-талмудист» – тот, кто «еретически толкует закон Моисеев». Отношение к евреям красочно выражено в монологе старейшины общины:

Знаем мы этих умников, что поуменье Мысея быть захотели, знаем, и так-то о гибели ихней жалкуем, что и на-поди. Говорили мне ихние разные прокураты, как ихняя вера толкует, только ничего в их вере хорошего не нашёл я <...> Это у жидов пейсы да ермолки, а у нас их нет: у Мысея не показано так называть – то ихние лжемессии придумали <...> Всё талмуд их проклятый, да мессии ихние лживые <...> У Мысея ничего этого нет, значит и не надо, а свое прибавлять грех <...> И наши туда же сдурю полезли, детей по-еврейскому обучают [Майнов 1872, 243–244].

Закавказские иудействующие гордились тем, что они правильное, чем «природные евреи», исполняли законы ритуальной чистоты: «Приезжали к нам настоящие рабины и удивлялись, как мы строго соблюдаем Моисеев закон, а не могли нас оспорить» [Максимов 1867, 344].

Сибирские молокане-субботники критиковали евреев за ожидание Мессии – земного царя, упрекали их за некоторые пищевые запреты, которые, по мнению сектантов, отсутствовали в Библии [Астырев 1891, 59].

Зиминские последователи «Моисеева закона», согласно документам, часто утверждали: «Я субботник, и с евреем не имею ничего общего» [Рабинович 1998, 238].

Полевые исследования общин современных иудействующих обнаруживают наличие аналогичных дискурсов восприятия евреев в

субботнической среде [Дымшиц 1999; Штырков 2003, 276–280; Жукова 2009, 280–281; Жукова 2011].

С одной стороны, так проявлялось в пространстве «евреи – иудействующие» соперничество за аутентичность, правильное толкование и соблюдение Закона. С другой, стремление дистанцироваться от евреев, подчеркнуть свою уникальность свидетельствовало о попытках построения «ветхозаветниками» собственной идентичности. Ведь известно, что конфликт способствует осознанию общности. Именно негативная идентичность позволяла субботникам «сохранить лицо». Наконец, указание на похвалу со стороны оппонента (случай с закавказскими сектантами, ссылавшимися на «настоящих рабинов») выявляло потребность в еврейском (!) оправдании собственных религиозных практик. Такую «легитимацию» своей религиозной жизни «жидовствующие» пытались найти в караимах: «То ли дело хуровимы – это вот верные и от них нам многому поучиться следует, эти Мысеева закона, настоящий Израиль» [Майнов 1872, 244]. Астраханские иудействующие делились своей заветной мечтой с собеседником: «нам желательно сблизиться с караимами» [Попов 1877, 199]. Ориентация на караимов привела к возникновению караимитов – одного из течений субботничества.

Конфликтные ситуации возникали и в тех случаях, когда идейное противостояние отсутствовало. Это касается субботнических общин, поддерживавших тесные контакты с ашкеназами. Доверие «русских израильтян» к любому встреченному ими еврею было так высоко, что иногда они становились жертвами обмана или недобросовестности. Этнограф С.В. Максимов замечал, что порой религиозными наставниками закавказских иудействующих оказывались отставные солдаты-евреи, не слишком большие знатоки иудейской традиции, которые обучали простодушных сектантов «в надежде поживиться» [РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Д. 26. Л. 8 (Дело Департамента народного просвещения, 1863); Максимов 1867, 345, 349]. О том, что субботники одного из закавказских сел «чествовали всякого заблудшего к ним отставного солдата-еврея», писал и Н.А. Дингельштедт, чиновник и этнограф, долгое время живший среди последователей «Моисеева учения». По сообщению его информанта, один из таких солдат выполнял функцию раввина в с. Привольном [Дингельштедт 1885, 255, 264].

Сложность отношений сибирских «жидовствующих» со ссыльными евреями была обусловлена сходной проблемой: случайные люди среди последних выдавали себя за учителей, хорошо знающих иудаизм, а сектанты готовы были платить немалые деньги, желая дать своим детям религиозное воспитание [Рабинович 1998, 234]. Об этом подробно написал известный гер из с. Зима Моисей Козьмин: «Важная задача воспитания субботников выпадала часто на долю разных проходимцев, сосланных из России в Сибирь, испорченных нравственно евреев, которые по пути останавливались у субботников». Иудействующие, по словам М. Козьмина, были «рады приютить у себя всякого еврея, лишь бы чему-нибудь научиться от него». Поскольку «пришельцы толковали каждый на свой лад еврейский закон», сектанты стали смотреть на ссыльных евреев «как на фальшивую монету». Следствием умножения отрицательных примеров в еврейской среде стало разочарование в евреях и ослабление религиозности. Оправдывая пренебрежение запретами, связанными с соблюдением субботнего покоя, геры заявляли: «Вон тот еврей имеет тысячи, да и тот торгует в субботу... Ему можно? Он ведь знает, что нельзя. А мне и Бог велел... Я ведь неучёный и ничего не знаю» [Козьмин 1913, 19–20]. Однако, заключает М. Козьмин, «несмотря на такие отношения субботников к евреям, первые не могут обходиться без последних и всегда пользуются их услугами» [Козьмин 1913, 7].

Все эти факты свидетельствуют о том, сколь сильным было желание приверженцев «Ветхого закона» получить необходимые сведения у «самородных» иудеев, несмотря на личные качества и степень религиозной образованности последних.

Таким образом, конфликты и разочарования только подчеркивали феноменальное влечение к евреям приверженцев «Моисеева закона».

Заметим, что даже в тех сектантских группах, где отношение к евреям было неприязненным по причинам религиозного характера, ощущалось это притяжение. Так, в общине, описанной В.Н. Майновым, субботники презрительно относились к «жидам-талмудистам». Однако это не мешало им заказывать ермолки у евреев-портных или обращаться за молитвенной помощью к пользующемуся уважением раввину [Майнов 1867, 235–237, 243–244]. Именно в этой общине

в 1870-х гг. собиратель зафиксировал желание некоторых сектантов приобщиться к талмудической «премудрости»: «Наукам-то вот мы не выучены, а то начитаться бы талмуда еврейского – может и в нём есть что от Бога?». Два семейства на тот момент воплотили это желание в жизнь: переселились в Закавказье, стали герами и делились полученными знаниями в письмах к односельчанам [Майнов 1867, 252].

Подводя итоги исследования, можно предположить, что контакты между субботниками и евреями уже в первые десятилетия XIX в. были более интенсивными, чем это считалось ранее. Особенно это касается территории черты оседлости: генезис течения геров здесь можно возводить к 1820-м гг. Впоследствии отношения между двумя сообществами развиваются бурными темпами; можно говорить о процессах аккультурации, которые происходили в общинах иудействующих. Тяготение «жидовствующих» к иудеям не означало отсутствия противоречий между ними. Отчужденность и даже враждебность по отношению к «природным евреям» проявляли сектантские группы, опирающиеся на сконструированные ими религиозные практики, отвергающие традиции ортодоксального иудаизма. Отталкивание от него способствовало проведению границ – выстраиванию собственной идентичности, а также ориентации на караимскую модель. Близкие отношения между «талмудистами» и ашкеназами также несли в себе определенный конфликтный потенциал. В целом, контакты и конфликты между субботниками и их современниками-иудеями свидетельствовали об исключительной зависимости последователей «Моисеева закона» от мира российского еврейства.

Литература и источники

- Ан-ский 1912 – *Ан-ский С.А.* Среди иудействующих. Из путевых заметок // *Ан-ский С.А.* Собр. соч. Т. 3. Разрушители ограды. СПб., 1912. С. 279–306.
- Астырев 1891 – *Астырев Н.* Субботники в России и Сибири // *Северный вестник.* СПб., 1891. № 6. С. 34–70.
- Боголюбов 1898 – *Боголюбов Д.* Тамбовские жидовствующие // *Миссионерское обозрение.* 1898. № 5. С. 797–801.
- Бондарь 1916 – *Бондарь С.Д.* Секты хлыстов, шалопутов, духовных христиан, старый и новый Израиль и субботников и иудействующих. Пг., 1916.

- Будницкий 2006 – *Будницкий О.В.* Евреи в эпоху поздней Империи: лояльность, адаптация, оппозиция // *Западные окраины Российской империи.* М., 2006. С. 327–334.
- Геры и субботники 1998 – *Геры и субботники в описании анонимного ростовского сиониста (осень 1917 г.)* / Публ. А. Симоновой // *Вестник Еврейского университета в Москве.* 1998. № 1 (17). С. 193–203.
- Дингельштедт 1885 – *Дингельштедт Н.* Закавказские сектанты в их семейном и религиозном быту. СПб., 1885.
- Дымищ 1999 – *Дымищ В.* Этнографическое описание села Привольного // *Материалы Шестой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Еврейская культура и культурные контакты.* Ч. 3. М., 1999. С. 71–85.
- Жабин 1900 – *Жабин И.* Селение Привольное Бакинской губернии Ленкоранского уезда // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.* Тифлис, 1900. Вып. 27. Отд. II. С. 42–94.
- Жукова 2009 – *Жукова Л.Г.* Выбор веры астраханскими субботниками: история и миф // *История – миф – фольклор в еврейской и славянской культурной традиции* / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2009. С. 274–281.
- Жукова 2011 – *Жукова Л.Г.* «Мы крепко приняли в сердцах держать религию Моисеева закона» // *Лехаим.* 2011. № 8. С. 76–80.
- Кальнев 1911 – *Кальнев М.А.* Жидовствующие // *Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды. Братский труд членов IV Всероссийского Миссионерского съезда.* Одесса, 1911. С. 151–158.
- Козьмин 1913 – *Козьмин М.* Прошлое и настоящее сибирских сектантов-субботников // *Еврейская старина.* 1913. Т. 6. С. 3–22.
- Крестовский 1900 – *Крестовский В.В.* Вдоль закавказской границы (дорожные заметки) // *Крестовский В.В. Собр. соч.* Т. VII. СПб., 1900. С. 163–287.
- Майнов 1872 – *Майнов В.* Странная секта // *Сборник «Неделя».* Русские общественные вопросы. СПб., 1872. С. 230–253.
- Максимов 1867 – *Максимов С.* За Кавказом (из дорожных заметок) // *Отечественные записки.* 1867. № 5. С. 333–353.
- Никольский 1896 – *Никольский С.,* священник. Отчет ставропольского епархиального противусектантского миссионера. Ставрополь – Кавказ, 1896.
- Отчет 1889 – *Отчет Астраханского Кирилло-Мефодиевского Общества за 1888 год* // *Астраханские епархиальные ведомости.* 1889. № 20–23. С. 116–201.
- По закоулкам г. Царёва 1889 – *По закоулкам г. Царёва* // *Астраханские епархиальные ведомости.* 1889. № 3. С. 123–136.
- Попов 1877 – *Попов К.* На молитвенных собраниях у субботников // *Странник.* 1877. Т. 2. С. 183–211.
- Рабинович 1998 – *Рабинович В.Ю.* Положение зиминских субботников в обществе: постановка проблемы // *Россия и Восток: взгляд из Сибири. Материалы и тезисы докладов к XI междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х т.* Иркутск, 1998. Т. 1. С. 232–235.

- РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
РНБ ОР – Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (Санкт-Петербург).
- Тифлов 1892 – *Тифлов М.* Современное движение между субботниками // Астраханские епархиальные ведомости. 1892. № 21. С. 650–661.
- Суляк 2012 – *Суляк С.* Этнодемографические процессы в Бессарабии в XIX – начале XX в. // Русин. 2012. № 1 (27). С. 6–26.
- Украинский 1912 – *Украинский Л.* Субботники (новые евреи). Ковна, 1912.
- Хижая 2008 – *Хижая Т.И.* К вопросу о контактах между субботниками и евреями в России первой трети XIX в. // Проблемы еврейской истории. Ч. 1. М., 2008. С. 166–181.
- Хижая 2010 – *Хижая Т.И.* К вопросу о влиянии иудейской традиции на движение русских субботников (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Труды Государственного музея истории религии. СПб., 2010. Вып. 10. Ч. 1. С. 35–44.
- Хижая 2012 – *Хижая Т.И.* Эсхатологическое движение русских иудействующих в конце XIX века // Религия в меняющемся мире. Сб. статей / Ред. кол.: М.М. Шахнович (отв. ред.), Т.В. Чумакова, М.С. Стецкевич, Е.А. Терюкова. СПб., 2012. С. 244–258.
- Хижая 2013 – *Хижая Т.* Субботники и евреи в российском обществе XIX – начала XX в.: дискурсы восприятия // Научные труды по иудаике. Материалы XX Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. 1. М., 2013. С. 131–150.
- Штырков 2003 – *Штырков С.* Стратегии построения групповой идентичности: община сектантов-субботников в станице Новопривольная Ставропольского края // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2003. С. 266–287.
- Ювачёв 1904 – *Ювачёв И.П.* (Мироллюбов). Закавказские сектанты // Исторический вестник. 1904. Январь. С. 167–179.

Tatyana Khizhaya
(Vladimir)

**Contacts and conflicts:
on the relationship between Russian Judaizers and Jews
from the 19th to the early 20th centuries**

The research focuses on the issue of the relationship between Russian Judaizers and Jews from the 19th to the early 20th century. The first decades of the 19th century witness the relatively stable and intensive interest to rabbinical Judaism displayed by Subbotniks. New materials discovered by the au-

thor not long ago in the Russian archives make it possible to date the origin of the gers movement back to the 1820-s, while the traditional view has been that it appeared in the middle of the 19th century. Rapid development of contacts between followers of 'Mosaic Law' and Ashkenazi Jews resulted in the beginning of acculturation in some Judaizers groups. The attempts of a number of Subbotniks to adopt the rabbinic tradition boosted the evolution of their religious and cultural practices as well as identity. At the same time that did not exclude conflicts between two worlds. The attitude of 'Russian Israelies' to Jews varied from hostile distancing to full identification. But both contacts and conflicts reveal the exceptional dependence of the sectarians on the Jewish communities of Russia.